

УДК 811.113.6

Е. М. Чекалина
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются функционально-грамматические особенности морфологии и синтаксиса инфинитива, который в наиболее явном виде представляет *verbum infinitum* в парадигме шведского глагола. В соответствии с предлагаемой интерпретацией среди синтаксических функций инфинитива выделяются не глагольные и именные (как традиционно принято в шведской грамматике), а собственно-инфинитивные и субстантивно-инфинитивные. К собственно-инфинитивному относится употребление в глагольных цепочках (прежде всего в составе предиката), обстоятельственных оборотах с предлогами, а также в синтаксических конструкциях с нексусной связью (объект и субъект с инфинитивом). Во всех случаях синтаксические функции инфинитива реализуются при этом на уровне предложения.

К субстантивно-инфинитивному относится употребление в синтаксических позициях грамматического субъекта как темы, так и ремы при формальном подлежащем *det*, предикатива (в том числе в предложениях тождества с инфинитивом в обеих частях субъектно-предикатной структуры), предложного и беспредложного (прямого и косвенного) объекта, постпозитивного определения к существительному (с прямым примыканием или с предложной синтаксической связью). Несмотря на синтаксическую позицию субстантивного слова, при анализе на уровне цельного предложения выявляются функционально-грамматические особенности инфинитива как непредикатной формы глагола. В отличие от выражаемых именными частями речи членов предложения, инфинитив с предлогом или без предлога в зависимости от типа синтаксической связи, обусловленной валентностью управляющего им глагола или определяемого им субстантивного слова, «втягивается» в глагольную цепочку, проявляя при этом специфику морфологии и синтаксиса *verbum infinitum*.

Функционально-грамматическая специфика инфинитива в шведском языке обусловлена типологическими особенностями грамматического строя как в парадигматике глагола (выражение грамматической семантики агглютинативными показателями и аналитическими формами и конструкциями), так и в глагольной синтагматике (выражение синтаксической связи между словами прямым примыканием или предложной связью).

Ключевые слова: шведский язык, непредикатная форма глагола, инфинитив, функционально-грамматический анализ, глагольная цепочка, синтаксическая глагольная группа.

https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2017.106

Elena Chekalina
Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONAL-GRAMMATICAL FEATURES OF THE SWEDISH INFINITIVE

The article discusses functional-grammatical features of the morphology and syntax of the infinitive which is the most obvious *verbum infinitum* in the Swedish verb paradigm. The suggested interpretation argues that the traditional distinction of Swedish grammars between verbal and nominal functions of the infinitive can be replaced by an opposition of infinitival functions proper and substantive-infinitival functions. The infinitival function proper includes the use of the infinitive in verb chains (mostly as part of the predicate), in adverbial circumlocutions with prepositions, as well as in syntactic constructions with nexus (the object and the subject with the infinitive). In all cases syntactic functions of the infinitive are realised on the sentential level.

The substantive-infinitival functions comprises the use of the infinitive in syntactic positions of the grammatical subject: as the theme (topic) as well as the rheme (comment) in the context of the formal subject *det*, the predicative (including the sentences of equivalence with the infinitive in both parts of the subject-predicate structure), a prepositional or prepositionless (direct and indirect) object, a postpositional noun attribute (with direct adjunction or with prepositional syntactic connection). Whatever the syntactic position of the substantive word, the analysis at the level of a full sentence reveals functional-grammatical features of the infinitive as a non-predicate verb form. Unlike the parts of sentence expressed by nominal parts of speech, the infinitive with a preposition and without a preposition, depending on the type of syntactic connection, which is determined by the valency either of the governing verb or of the substantive word modified by it, is drawn into the verb chain, demonstrating at the same time the features of the morphology and syntax of the *verbum infinitum*.

The special functional-grammatical features of the Swedish infinitive are determined by the typological features of the grammatical system of the language in the verb paradigm (the expression of grammatical semantics with agglutinative markers and analytical forms and constructions) as well as in verb syntagmas (the expression of syntactic connection between words by use of adjunction or prepositional connection).

Keywords: Swedish, non-predicate verb form, infinitive, functional-grammatical analysis, verb chain, syntactic verb phrase.

Вводные замечания. Инфинитив входит в парадигму шведского глагола, представляя в наиболее явном виде verbum infinitum в собственном смысле слова. В системе грамматических форм и категорий шведского глагола инфинитив представлен четырьмя формами — основной (словарной), формой пассива с агглютинативным показателем *-s*, перфектной (*ha* + супин) и перфектно-пассивной (*ha* + супин с показателем пассива на *-s*). Они входят в бинарные оппозиции по линии двух грамматических категорий шведского глагола — залога и темпорально-аспектуальной временно́й отнесенности [Чекалина, 1993], конкретизируя общую

идею процессуальности, заложенную в категориальной семантике глагола как части речи [Кубрякова, 2008, с. 110–111]. К вопросу о парадигматическом статусе шведского инфинитива в типологическом аспекте с точки зрения общей теории грамматики применима поэтому мысль о том, что «сохранение грамматических категорий, свойственных одной части речи, сохраняет слово в этой части речи, хотя бы оно выступало не в том членении предложения, в каком оно обычно выступает» [Мещанинов, 1978, с. 247].

Обращаясь к функционально-грамматическому анализу инфинитива в современном шведском языке, следует помнить о его именном происхождении[1], сохраняющемся в «скрытой памяти» языка [Николаева, 2002, с. 25–41], которое и делает его «загадочной по своему современному состоянию формой глагола» [Пешковский, 1959, с. 108]. В исследованиях, проведенных на материале различных европейских языков, отмечалось, что инфинитив проявляет функционально-синтаксическую двойственность, поскольку в рамках словосочетания он функционирует как глагольное слово, а в структуре предложения может занимать синтаксические позиции субстантивного имени. Важно, однако, что при любом употреблении реализуется не только лексическая избирательность и синтаксическая валентность глагольной лексемы, но и грамматическая семантика глагольной словоформы, более заметная в определенных типах синтаксического контекста.

Двойственная природа инфинитива обусловила принятый в скандинавской грамматической традиции подход к описанию его синтаксических функций, которые делятся на глагольные и именные [Bolander, 2004, s. 118; Holm, Larsson, 2008, s. 44; Hultman, 2008, s. 152]. В интерпретации автора статьи они называются а) собственно-инфинитивными и б) субстантивно-инфинитивными. Предлагаемая трактовка обусловлена общими функционально-грамматическими особенностями инфинитива, которые выявляются при анализе конкретного материала современного шведского языка.

[1] «Происхождение инфинитива… при относительном сохранении его прежних именных функций создало в живом языке ту пестроту инфинитивных сочетаний, которая невольно заводила исследователей в тупик» [Малаховский, 1924, с. 49].

1. СОБСТВЕННО-ИНФИНИТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

(1) К собственно-инфинитивному относится употребление в глагольных цепочках (швед. verbkedja) одной или нескольких форм, как с частицей *att*, так и без нее, прежде всего в составе предикатов различной структуры и семантики:

Han *måste börja låna* upp pengar [SAG 3, s. 564] ‘Он должен начинать искать деньги с помощью займов’; Hur A. *lyckades undgå att vinna* det första partiet är en gåta [Hultman, 2008, s. 273] ‘Как удалось А. не выиграть (букв. «избежать выиграть») первую партию — это загадка’.

Употребление инфинитива основного смыслового глагола не только после переходных лексем без признаков десемантизации (в том числе фазовых *börja* ‘начинать’, *sluta* ‘заканчивать’, имеющих модальную семантику *behöva* ‘иметь необходимость’, *bruka* ‘иметь обыкновение’, *få* ‘иметь возможность и/или необходимость’ и др.), но и после модальных глаголов, которые относятся к вспомогательным, трактуется в шведских грамматиках как реализация субстантивной функции прямого объекта [SAG 3, s. 572–573]. В такой синтаксической интерпретации проявляется характерная для verbum infinitum функционально-грамматическая двойственность, которая способствует позиционно обусловленной трансформации именной функции инфинитива и «втягиванию» его в синтаксическую глагольную цепочку.

Так, цепочка с несколькими формами инфинитива может занимать синтаксическую позицию постпозитивного определения к отглагольному существительному, сохраняющему валентность исходного глагола и, следовательно, глагольный тип предложного управления:

Bolaget *har stora förhoppningar på att* därigenom *kunna börja bearbeta* den stora läskedrycksmarknaden [Hultman, 2008, s. 229] ‘Фирма очень надеется (букв. «имеет большие ожидания») на то, чтобы тем самым иметь возможность начать развивать широкую продажу прохладительных напитков’.

В составе предложной конструкции глагольная цепочка с инфинитивом синтаксически и семантически плотнее, чем предложно-субстантивное словосочетание, «привязана» к предикату, «по-

средником» в этой связке выступает отглагольное существительное *förhoppning* в синтаксической функции прямого объекта. На уровне цельного высказывания предложно-инфинитивное словосочетание входит здесь в «развернутую» глагольную синтаксическую группу с предикатом, ядро которой образует финитная форма глагола. Таким образом, граница между собственно-инфинитивной и субстантивно-инфинитивной функцией, как показывает анализ, в действительности является относительно подвижной. Аналогичные процессы наблюдаются и при употреблении инфинитива в синтаксической позиции субстантивного слова, которые рассматриваются ниже.

(2) К собственно-инфинитивному относится употребление предложных оборотов с обстоятельственной семантикой:

efter att (темпоральное предшествование):

M. tappade mästerskapsledningen *efter att ha råkat ut* ett problem under tävlingen (2017)[2] 'М. лишился чемпионского лидерства, после того как столкнулся с одной проблемой во время соревнования';

för att (обстоятельство цели):

Jag är för yr i huvudet *för att kunna berätta* (2011) 'У меня голова до того идет кругом, что тут уж не до рассказов' (букв. «У меня слишком голова идет кругом, чтобы рассказывать»);

genom att (обстоятельство образа действия):

Bröderna Nobel lyckades rädda en liten del av sin förmögenhet *genom att sälja* i tid (2012) 'Братьям из семьи Нобелей удалось сохранить небольшую часть своего состояния, вовремя продав ее';

utan att (обстоятельство сопутствующего условия):

Man kan avstå från mycket *utan att sakna* det (2007) 'Можно отказаться от многого, не испытывая недостатка в этом'.

(3) К собственно-инфинитивным, без сомнения, относятся две конструкции с нексусной синтаксической связью [Есперсен, 1958, с. 130–137], семантика которых не только реализуется на уровне

[2] Примеры без указания на источник взяты из Корпуса шведского языка, составленного Отделением компьютерной лингвистики Гётеборгского университета (http//www.spraakbanken.gu.se/1b).

цельных высказываний, но и создает их особую синтаксическую идиоматичность:

объект с инфинитивом (швед. objekt med infinitiv) при активной диатезе с тремя семантическими типами предикатов:

а) с переходными глаголами восприятия:

Ett vittne *ser dem köra* iväg i en liten gul bil [Hultman, 2008, s. 234] 'Один свидетель видит, как они уезжают на маленькой желтой машине';

б) с глаголами речи и ментальных процессов и возвратным местоимением, когда референт грамматического субъекта и смысловой субъект процесса, выраженного инфинитивом, совпадают:

Hon *trodde sig kunna*[3] *gnaga* igenom en massivaste stock [Hultman, 2008, s. 234] 'Она думала, что сможет перегрызть самое массивное бревно';

в) с каузативным глаголом *låta* 'позволять' при неагентивном смысловом субъекте инфинитива:

Vi *låter träden stå* kvar lite längre än vanligt [Hultman, 2008, s. 234] 'Мы оставляем деревья расти немного дольше, чем обычно';

субъект с инфинитивом (швед. subjekt med infinitiv) при пассивной диатезе в предложениях с двумя семантическими типами переходных предикатов:

а) с глаголами восприятия:

Han *ses spela* saxofon i en ungdomsorkester [Hultman, 2008, s. 234] 'Его видят играющим (букв. «как он играет») на саксофоне в молодежном оркестре';

б) с глаголами, обозначающими ментальные процессы и выражение мнения:

[3] Этот пример удачно иллюстрирует употребительность инфинитива основных модальных глаголов, включая претерито-презентные, которые в шведском языке имеют полную парадигму. Исключение составляет заимствованный из нижненемецкого глагол måste, у которого форма инфинитива måsta восстановлена по аналогии в финляндском варианте шведского языка [SAG 2, s. 574].

Han *anses vara* rättvis, hygglig — och som sagt ständigt lika duktig [SAG 2, s. 562] ‘Его считают справедливым, приятным и, как говорится, всегда одинаково разумным’.

Во всех рассмотренных случаях функционально-синтаксические и структурно-синтаксические особенности инфинитива реализуются на уровне цельного предложения.

2. СУБСТАНТИВНО-ИНФИНИТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

При таком употреблении инфинитив занимает синтаксические позиции субстантивных слов, вместе с тем при анализе на уровне цельных высказываний выявляются функционально-грамматические особенности, обусловленные спецификой непредикатной формы глагола.

(1) Инфинитив нередко употребляется как грамматический субъект в синтаксической позиции темы высказывания:

Att skriva en egen personlig svensk historia har varit mitt sätt att leva under dessa år (V. Moberg) ‘Писать собственную личную шведскую историю стало в эти годы моим образом жизни (букв. «способом жить»)’;

Att inte ha några skulder är en god sak [SAG 3, s. 564] ‘Не иметь долгов — хорошее дело’.

(2) Структурно-синтаксическим вариантом таких предложений при изменении коммуникативной перспективы высказывания является не маркированная стилистически и поэтому более употребительная модель с формальным подлежащим *det* и инфинитивом в рематической позиции:

Det var lättare att lyda än *att fråga* [SAG 3, s. 251] ‘Послушаться было легче, чем спрашивать’.

Примыкание к именной части предиката с оценочной семантикой приводит к «втягиванию» инфинитива в развернутую синтаксическую глагольную группу, а тем самым и в состав осложненного предиката. Этому, однако, способствует не только структура, но и семантика обобщенно-личных предложений с формальным грамматическим субъектом.

(3) Для шведского инфинитива характерно также употребление в синтаксической позиции предикатива после глагола-связки *vara* ‘быть’, в том числе нередко в предложениях тождества в функции как темы, так и ремы:

Att ta avsked var *att sammanfatta*, *att sammanfatta* var ett slags avsked (G. Tunnström) ‘Проститься означало подвести итог, подвести итог означало своего рода прощание’.

(4) Отмечается также употребление инфинитива в синтаксической функции объектного предикатива, однако оно ограничено структурно-синтаксическими параметрами предложения и возможно только при формальном прямом объекте *det*:

Det kallar jag *att leva och ta* dagen som den kommer [SAG 3, s. 564] ‘Это я называю жить сегодняшним днем’ (букв. «принимать день таким, каким он наступает»).

Во всех рассмотренных случаях функционально-грамматические и структурно-синтаксические особенности инфинитива, как и при собственно-инфинитивном употреблении, также реализуются на уровне цельного предложения. Это особенно заметно в предложениях с формальным грамматическим субъектом, а также в предложениях тождества, где субстантивная позиция инфинитива не препятствует, а, напротив, способствует его втягиванию в состав синтаксической глагольной группы предиката.

(5) Употребление инфинитива без частицы *att* в синтаксической позиции прямого объекта при прямом примыкании к полнозначному переходному глаголу в ряде случаев может быть интерпретировано как участие в глагольной цепочке, особенно при опущении инфинитивной частицы *att*:

Han *glömmer kolla* resultatet [SAG 3, s. 570] ‘Он забывает проверить результат’.

Вместе с тем, как было отмечено выше, в Шведской академической грамматике основанием для выделения функции прямого объекта, особенно при употреблении с частицей *att*, является именно широкая синтаксическая дистрибуция инфинитива после полнозначных переходных глаголов различной семантики [SAG 3, s. 570]:

[…] han *accepterade att ta* på sig ordförandeskapet efter lång tveksamhet '…он согласился (букв. «принял, признал») взять на себя функцию председателя после долгих сомнений';

Det är därför myndigheten *undviker att tala* sådan klartext 'Именно поэтому администрация старается не (букв. «избегает») говорить таким открытым текстом'.

Инфинитивная частица обязательна и в предложениях с примыкающим к предикату беспредложным или предложным косвенным объектом, который оказывается в препозиции к прямому объекту, отделяя его от управляющей глагольной лексемы[4] [SAG 3, s. 570]:

Dess lag *förbjuder* de små *att inbilla sig* något om sig själva 'Такой закон запрещает маленькому человеку воображать что-либо о самом себе';

Vi *lämnade* åt dem själva *att sälja* huset 'Мы предоставили им самим (возможность) продать дом'.

(6) Употребление в функции беспредложного косвенного объекта после глаголов с двойным управлением, как отмечают авторы Шведской академической грамматики, является довольно редким и встречается главным образом при инициальной позиции инфинитива для эмфатического выделения маркированным словопорядком:

Att dansa ger hon försteget framför att äta och prata [SAG 3, s. 571] 'Танцам (букв. «танцевать») она отдает предпочтение, по сравнению с едой и разговорами' (букв. «есть и разговаривать»).

Инверсия используется здесь для того, чтобы «развести» в начало и конец высказывания беспредложный и предложный объекты на основе принципа структурно-семантической иерархии второстепенных членов предложения.

(7) Одной из характерных синтаксических особенностей инфинитива, сближающей его с субстантивными словами, является

[4] Ср. также употребление инфинитивной цепочки с модальным глаголом в позиции беспредложного прямого объекта после беспредложного косвенного: Jag *unnar* honom *inte att kunna säga* Se där (G. B. Sundström) 'Я не желаю ему, чтобы он мог сказать: Вот видишь'.

употребление в позиции предложного объекта, когда выбор предлога определяется валентностью управляющей глагольной лексемы [Hultman, 2008, s. 181]:

Han *ängslades för att återvända* till hemlandet ‘Он опасался вернуться на родину’;

Vi *syftar till att minska* utsläppen ‘Мы имеем целью сократить вредные выбросы’.

В этой особенности, как представляется, находит отражение общая для континентальных скандинавских языков тенденция к употреблению инфинитивных конструкций с предлогами, в том числе с обстоятельственной семантикой, как в рассмотренных выше случаях. Одним из интересных проявлений этой особенности является такая двойственность синтаксического поведения, когда предложно-инфинитивная конструкция выступает в обстоятельственной функции, хотя выбор предлога определяется синтаксической валентностью управляющего слова:

Men lärare *skulle* kanske *må bra av att sätta sig* på kafé *och förbereda* en lektion i stället för att sitta i ett rum där det sitter fyra andra lärare och telefonen ringer (2011) ‘Но учителя, возможно, чувствовали бы себя лучше, сев готовиться к уроку в каком-нибудь кафе, вместо того чтобы сидеть в одной комнате, где сидят еще четверо других и звонит телефон’.

Здесь два инфинитивных словосочетания с сочинительной связью «втягиваются» посредством предлога *av* в синтаксическую группу предиката, хотя между ними и предшествующим компонентом глагольной цепочки помещается «легкое» обстоятельство образа действия *bra*, которое образует устойчивое словосочетание с финитной формой глагола, определяющее синтаксическую валентность ядра предиката и выбор предлога.

Аналогичная двойственность синтаксического поведения инфинитива наблюдается и при употреблении с предлогом *med*:

Stanislavskij kunde inte förstå varför Tjechov *envisades med att kalla* ”Måsen” en komedi [SAG 3, s. 583] ‘Станиславский не мог понять,

почему Чехов настаивал на том, чтобы назвать (букв. «упрямился, называя») «Чайку» комедией'.

(8) Интересным для функционально-синтаксического анализа инфинитива представляется его употребление в качестве постпозитивного определения к существительному. В синтагматическом аспекте здесь выделяются два типа, различающиеся структурно-синтаксическими параметрами.

Употребление инфинитива в субстантивных словосочетаниях с предлогом встречается значительно чаще и представляет в функционально-грамматическом плане больший интерес:

tankar på att lämna den politiska scenen 'мысли о том, чтобы покинуть политическую сцену' [SAG 3, s. 247].

При употреблении инфинитива, например, с предлогом *av* после существительных различной семантики также выявляется двойственность его синтаксического поведения:

Det är vi som *är i behov av att gråta* och inte de döda som är i behov av våra tårar (W. Aspenström) 'Это нам нужно (букв. «мы имеем потребность») поплакать, а не мертвым нужны наши слезы';

Jag *kunde* ju också *ha intresse av att veta* det (S. Arnér) 'Мне ведь тоже могло быть интересно (у)знать это'.

С точки зрения позиционного синтаксиса предложно-инфинитивная конструкция на уровне словосочетания здесь действительно выступает в функции постпозитивного определения к существительному с процессуальной семантикой, поскольку именно им обусловлен выбор предлога. Вместе с тем такие существительные, образуя устойчивые фразеологические словосочетания с предшествующим глаголом, не только сами втягиваются в состав предиката, но и втягивают в его состав предложно-инфинитивное словосочетание. На уровне цельного высказывания в обоих случаях инфинитивные словосочетания с предлогом включаются в состав развернутой синтаксической глагольной группы. Поэтому в плане синтаксической структуры и синтаксического поведения они мало отличаются от предложно-инфинитивных словосочетаний в синтаксической позиции косвенного объекта, например:

Han *njöt av att efter många år åter känna* fast mark under fötterna [SAG 3, s. 563] ‘Он испытал наслаждение, вновь после многих лет почувствовав (букв. «почувствовать») под ногами твердую почву’.

Возможно также беспредложное употребление инфинитива в функции постпозитивного определения к существительным с процессуальной семантикой:

konsten att läsa bruksanvisningar ‘умение читать инструкции’, *fruktan att bli sjuk* ‘страх заболеть’, *ovanan att äta* på natten ‘дурная привычка есть по ночам’ [SAG 3, s. 209]; *idén att sälja* skolbyggnaderna ‘идея продавать школьные здания’, hans *försök att skriva* en artikel ‘его попытка/попытки написать статью’, *nöjet att läsa* böcker ‘удовольствие читать книги’, *förmågan att skriva* detta i ord ‘способность написать это словами’, *egenheten att inte ta* ränta [SAG 3, s. 121–122] ‘свойство не назначать ренту’, *avgörandet att tillkännage* sitt avgångsbeslut just nu [SAG 3, s. 562] ‘решение объявить о своем уходе в отставку именно сейчас’.

Следует отметить, что, в отличие от субстантивного имени, только инфинитив может присоединяться к определяемым существительным прямым примыканием без предлога. Таким образом, и в структурно-синтаксическом плане он также выступает не вполне в субстантивной функции и ведет себя не вполне типично для именной части речи[5].

Анализ материала современного шведского языка показывает, что за относительно прозрачной морфологией скрывается сложная функционально-синтаксическая природа инфинитива, не свойственная другим формам глагола — ни verbum finitum, ни

[5] Так, В. Брендаль подчеркивал нейтральный в функционально-грамматическом аспекте характер инфинитива, не позволяющий отождествлять его употребление с субстантивным: “Et finit Verbum er i særlig Grad Forbinder, et Participium Beskriver — medens Infinitiv i denne Henseende er neutral <…> Man taler her om ‘substantivisk’ Brug eller om ‘substantiveret’ Infinitiv med Urette thi Infinitiven bevarer her som ellers sin verbale Karakter” [Brøndal, 1932, s. 24–25] ‘Финитная форма глагола в определенной степени является связующей, причастие описывающей, в то время как инфинитив в этом отношении нейтрален <…> В таких случаях говорят о “субстантивном” употреблении или о “субстантивированном” инфинитиве без основания, поскольку инфинитив сохраняет здесь, как и в других случаях, свой глагольный характер’.

причастиям, на что обращали внимание и скандинавские, и отечественные языковеды.

Заключение. В шведском языке функционально-грамматическая двойственность инфинитива имеет свою специфику, обусловленную типологическими особенностями грамматического строя континентальных скандинавских языков как в парадигматике — выражение грамматической семантики агглютинативными показателями и аналитическими формами и конструкциями, так и в синтагматике — выражение синтаксической связи между словами посредством примыкания и предлогов[6]. Этим и обусловлена, на наш взгляд, тенденция к «втягиванию» инфинитивных словосочетаний, занимающих позицию субстантивных членов предложения, в развернутые глагольные группы, синтаксически «тяготеющие» к предикату. Таким образом, двойственная природа инфинитива, позволяющая усматривать в нем некоторые признаки субстантивности, для шведского и других скандинавских языков того же типа во многом является фикцией.

В исследование по логике жанра и связанных с этим ограничений объема не вошли другие важные области функционирования инфинитива — в формах, маркированных показателями глагольных категорий, а также в предложениях, структура которых даже в плане позиционного синтаксиса не поддается делению на непосредственные составляющие. Эти особенности автор надеется рассмотреть в других публикациях в продолжение начатой здесь темы о нетривиальной грамматике шведского инфинитива.

ЛИТЕРАТУРА

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 249 с.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 404 с.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. 2-е изд. М.: URSS; Изд-во ЛКИ, 2008. 113 с.

[6] «В структуре слова заключены в свернутом виде координаты всей формально-структурной организации языка» [Гухман, 1981, с. 132]; о типологических параметрах грамматического строя скандинавских языков см. подробнее: [Плоткин, 1984; 1989].

Малаховский В. А. Синтаксическое значение инфинитива в русском языке // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 8. Иркутск, 1924. С. 33–58.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 388 с.

Николаева Т. М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.

Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 101–111.

Плоткин В. Я. Степени синтетизации в скандинавском словоизменении // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Изд-во Института языкознания АН СССР, 1984. С. 24–32.

Плоткин В. Я. Типологическая эволюция германских языков // Лингвистические единицы, конструкции и текст: Сб. науч. ст. / отв. ред. М. Н. Валл. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–13.

Чекалина Е. М. Система форм и грамматические категории шведского глагола: Дис. … д-ра филол. наук. М., 1993. 475 с.

Чекалина Е. М. Аналитическая видовая конструкция в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 48–65.

Чекалина Е. М. Типология глаголов с возвратными показателями в скандинавских и русском языках // Чекалина Е. М. Семантические аспекты шведской грамматики. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. С. 149–186.

Bergner E., Nylund E. Något om valet mellan s-passiv och kopula-passiv // Svenskans beskrivning 17. Åbo: Åbo akad. förlag, 1990. S. 67–72.

Bolander M. Funktionell svensk grammatik. Falköping: Liber, 2004. 191 s.

Brøndal V. Morfologi og Syntax: Nye bidrag til sprogets theori. København: Gad, 1932. 108 s.

Holm G. Om s-passivum i svenskt talspråk // Svenskt talspråk: fem studier under red. av G. Holm. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. S. 204–225.

Holm L., Larsson K. Svenska meningar. Elementär språklära. Upplaga 2. Studentlitteratur. Malmö, 2008 (1976, 1980). 154 s.

Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära. Stockhom: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.

Kirri A. Diatesstudier i svenskt talspråk // Svenskans beskrivning 8. Utg. Christer Platzack. Lund: Lunds universitet, 1975. S. 144–159.

SAG — *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 2. Ord. 768 s.; Band 3. Fraser. 704 s.; Band 4. Satser och meningar. 977 s.

REFERENCES

Bergner E., Nylund E. Något om valet mellan s-passiv och kopula-passiv [On the choice between the s-passive and the copula-passive]. *Svenskans beskrivning* 17 [*Description of Swedish*] 17. Åbo, Åbo akad. förlag, 1990, pp. 67–72.

Bolander M. *Funktionell svensk Grammatik* [*Functional Swedish Grammar*]. Falköping, Liber Publ., 2004. 191 p.

Brøndal V. *Morfologi og Syntax: Nye bidrag til sprogets theory* [*Morphology and Syntax: New contribution to the theory of language*]. København, Gad Publ., 1932. 108 p.

Chekalina E. M. Analiticheskaia vidovaia konstruktsiia v sovremennom shvedskom iazyke [Analytic aspectual construction in modern Swedish]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [*Moscow University Bulletin*]. *Ser. 9. Filologiia*, 2014, no. 6, pp. 48–65. (In Russian)

Chekalina E. M. *Sistema form i grammaticheskie kategorii shvedskogo glagola*. Diss. … doct. filol. nauk [*The system of forms and grammatical categories of the Swedish verb*. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 475 p. (In Russian)

Chekalina E. M. Tipologiia glagolov s vozvratnymi pokazateliami v skandinavskikh i russkom iazykakh [Typology of verbs with reflexive markers in Scandinavian languages and in Russian]. *Chekalina E. M. Semanticheskie aspekty shvedskoi grammatiki* [*Semantic aspects of Swedish grammar*]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015, pp. 149–186. (In Russian)

Espersen O. *Filosofiia grammatiki* [*The philosophy of grammar*]. Moscow, Foreign literature Publ., 1958. 404 p. (In Russian)

Gukhman M. M. *Istoricheskaia tipologiia i problema diakhronicheskikh constant* [*Historical typology and the problem of diachronic constants*]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 249 p. (In Russian)

Holm G. Om s-passivum i svenskt talspråk [About the s-passive in colloquial Swedish]. *Svenskt talspråk: fem studier under red. av G. Holm* [*Colloquial Swedish: five studies edited by G. Holm*]. Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1967, pp. 204–225.

Holm L., Larsson K. *Svenska meningar* [*Swedish sentences*]. Elementär språklära [Elementary Grammar]. Upplaga 2 [2nd edition]. Studentlitteratur Publ., Malmö, 2008 (1976, 1980). 154 p.

Hultman T. G. *Svenska Akademiens språklära* [*The Swedish Academy Grammar*]. Stockhom, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 2008. 342 p.

Kirri A. Diatesstudier i svenskt talspråk [Studies of diathesis in colloquial Swedish]. *Svenskans beskrivning 8.* [*Description of Swedish. 8 ed.*] Utg. [Ed.] Christer Platzack. Lund, Lunds universitet Publ., 1975. S. 144–159.

Kubriakova E. S. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [*Parts of speech through an onomaseological interpretation*]. 2-nd ed. Moscow, URSS: LKI Publ., 2008, 113 p. (In Russian)

Malakhovskii V. A. Sintaksicheskoe znachenie infinitiva v russkom iazyke [The syntactic meaning of the infinitive in Russian]. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo*

Irkutskogo universiteta [*Working papers of State Irkutsk University*], issue 8. Irkutsk, 1924, pp. 33–58. (In Russian)
Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniia i chasti rechi* [*Parts of sentence and parts of speech*]. Lenimgrad, Nauka Publ., 1978. 388 p. (In Russian)
Nikolaeva T. M. «Skrytaia pamiat'» iazyka: popytka postanovki problemy [The «concealed memory» of language: an attempt at stating a problem]. *Voprosy iazykoznaniia*, 2002, no. 4, pp. 25–41. (In Russian)
Peshkovskii A. M. Glagol'nost' kak vyraziteľnoe sredstvo [Verbalness as an expressive means]. *Peshkovskii A. M. Izbrannye trudy* [*Selected works*]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 101–111. (In Russian)
Plotkin V. Ia. Stepeni sintetizatsii v skandinavskom slovoizmenenii [Degrees of synthesizing in Scandinavian inflexion]. *Skandinavskie iazyki. Aktual'nye problemy grammaticheskoi teorii* [*Scandinavian languages. Current problems in grammatical theory*]. Ed. by V. N. Iartseva. Moscow, Publ. Institute of Linguistics USSR Academy of Sciences, 1984, pp. 24–32. (In Russian)
Plotkin V. Ia. Tipologicheskaia evoliutsiia germanskikh iazykov [Typological evolution of Germanic languages]. *Lingvisticheskie edinitsy, konstruktsii i tekst: Sb. nauch. st.* [*Linguistic units, constructions and text. Collected articles*]. Ed. by M. N. Vall. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, pp. 3–13. (In Russian)
Teleman U., Hellberg S., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [*The Swedish Academy Grammar*] (SAG). Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 2 [Vol. 2]. Ord [Words]. 768 p. Band 3 [Vol. 3]. Fraser [Phrases]. 704 p. Band 4 [Vol. 4]. Satser och meningar [Clauses and sentences]. 977 p.

Чекалина Елена Михайловна
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: etch1@yandex.ru

Elena Chekalina
Doctor in Philology, Professor,
Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: etch1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2017, принята к публикации 10.03.2017